

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ИСТОКОВ И ОСОБЕННОСТЕЙ АРМЯНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

ХАЛИД ЭМИН АЛЕКПЕРОВ

Бакинский Государственный Университет, докторант

Улица академика Захида Халилова, 33, АЗ1148

E-mail: khalid.alakbarovf@gmail.com

ORCID: 0009-0009-1273-921X

РЕЗЮМЕ

В рамках вопроса истории преступлений армянских националистов против азербайджанского народа вполне целесообразно рассмотреть и вопрос о самом армянском национализме. При этом целью статьи является не столько изучение персоналий армянского национализма, сколько самой идеологии, ее истоков и роли в армянском обществе, а также во внешней политике Республики Армения. Автор статьи приходит к выводу о том, что актуальность армянского национализма была во многом обусловлена деятельностью армянских националистических организаций – кусакцутюнов. Кроме того, автор приходит к выводу о том, что сами кусакцутюны не только косвенно имеют церковное происхождение, но впоследствии стали альтернативой церкви в качестве объединяющего армян института. В статье подчеркивается антагонизация западных тюркок-огузов как основополагающий элемент армянского национализма. При этом не игнорируется и личностный фактор, который фрагментировал армянское националистическое движение. В статье также предлагается рассмотреть категории образов мучеников и воинов и их связи с армянским национализмом.

Ключевые слова: армянский национализм, кусакцутюн, тюркофобия, огузофобия, Азербайджан, Армения, Турция.

Введение

Предмет исследования деятельности армянских националистов, направленной против азербайджанского народа и государственности, сложный, так как состоит из нескольких компонентов. В вопросе изучения деятельности армянских националистов против Азербайджана академический диспут так или иначе фокусируется на субъекте действий (армянских националистов), а также предмете их политических взглядов – армянском национализме. Армянский национализм, в свою очередь, было бы сложно изучать, не имея кратких представлений об армянской национальной идентичности.

В связи с этим, в рамках исследования целесообразно вкратце рассмотреть вопрос об армянской этнической (национальной) идентичности и её спилоффе – армянском национализме.

Армянская национальная идентичность, вне зависимости от времени отсчета ее историографии, имеет различные свойства, которые способствуют ее месту на мировой арене этнических групп в качестве отличной от других идентичностей – в первую очередь, идентичностей соседних народов. Во-первых, это – армянский язык, который, будучи обособленной ветвью индоевропейских языков, значительно отличался не только от языков соседних народов, но и от других языков индоевропейской группы. Армянский язык довольно рано обрел письменный вид. Во-вторых, это – институт, который на протяжении многих веков обладал своеобразной монополией на письменность и, соответственно, образование – Армянская Апостольская Церковь (ААЦ). ААЦ была неотъемлемой частью армянского общества хотя бы потому, что присутствовала на трех самых важных жизненных этапах армянина-последователя ААЦ. А именно: крещение, свадьба и – если это можно назвать жизненным этапом – похороны. Кроме того, ААЦ была главным образовательным институтом армянского общества. При этом на протяжении истории определенные группы армян или армянские индивидуумы – под воздействием различных исторических, социальных или личных причин – отходили от сени ААЦ, переходя в православие, католицизм и ислам. Так, часть армян, проживавших под властью Речи Посполитой, перешла в католичество. Представители армянского народа, которые желали продвигаться по служебной лестнице в Российской Империи, были вынуждены принять православие. Многие армяне, проживавшие на территории мусульманских государств, переходили в ислам. Часть из них была ассимилирована соседними мусульманскими народами. При этом сами армяне в различные периоды истории (целенаправленно или нет) также занимались ассимиляцией соседних народов, в частности, по-

томков Кавказской Албании – этот процесс продолжался вплоть до XX века, а в качестве яркого примера можно привести генерала Мовсеса Силикова, удина по национальности, ставшего армянским гражданином и чьи потомки до сих пор живут в Армении. Армянская Апостольская Церковь была, с одной стороны, ядром армянского народа, а с другой – инструментом ассимиляции неармянских народов. Впрочем, первая деятельность была основной и наиболее продолжительной. Значительная часть армян жила в сельской местности, а потому священник ААЦ был в глазах односельчан самым образованным и авторитетным человеком. По мере переселения армян в крупные города, а также страны с европейской культурой, они испытывали влияние мейнстримных тенденций. Таким образом к XVIII-XIX векам они стали отходить от религиозно-центричного мировоззрения. ААЦ по-прежнему оставалась центральным объединяющим фактором армянского общества ввиду незаменимой роли в трех вышеперечисленных этапах жизни почти каждого армянина-прихожанина храмов ААЦ. Но у ААЦ уже не было монополии на образование и образ мышления. Сложившаяся ситуация позволила расширить рамки мировоззрения самих армян, в частности, её представителей – армянской интеллигенции, категорийный аппарат которых не ограничивался евангельскими заповедями и произведениями Нарекаци, но впитывал набиравший оборот новые общественные идеи. Именно так на арене армянского общества появился третий столп армянской национальной идентичности, ставший неразлучным спутником армянского общества в новейшей истории — кусакцутюны или политические партии.

Первым подобным политическим образованием стала так называемая “Партия Армении” (Арменакан кусакцутюн, которую в академической литературе называют коротко “Арменакан”). Эта организация довольно быстро потеряла влияние. В первой четверти XX века носителями армянского национализма стали новые организации, среди которых необходимо выделить Армянскую Революционную

Федерацию (Ай Егапохакан Дашнакцутюн) и сильно отставший от неё конкурент – Социал-Демократическая Партия-Гнчак (Социал Демократ Гнчакян Кусакцутюн). Имеются общие черты между становлением кусакцутюнов и становлением армянской церкви. Ни принятие армянами христианства, ни создание политических

партий изначально не имело ничего общего с армянским национализмом. Оно лишь отвечало набирающим силу идеям определенных периодов истории, и нашла отклик среди армянского населения, в обоих случаях искавшего утешения на фоне тягот повседневной жизни. Сила кусакцутюна измерялось в его бюджете, а впоследствии – количестве бойцов. Каких бы взглядов не придерживалось руководство кусакцутюна, ей были необходимы членские взносы и люди, умеющие пользоваться холодным и огнестрельным видами оружия. При таком раскладе привлечение масс было первостепенной задачей. Именно в вопросе привлечения масс – по крайней мере, вплоть до советизации региона – ни один из кусакцутюнов не достиг таких масштабов, каких достигла Армянская Революционная Федерация, существующая и по сей день. Для значительного числа армян диаспоры, АРФ-Дашнакцутюн стала параллельным ААЦ институтом и основным в сфере продвижения политической линии – вне зависимости от источников ее происхождения. Если диаспора – часть армянства, а АРФ-Дашнакцутюн – часть армянства, то, таким образом, в определенной степени, именно этот кусакцутюн стал частью армянской национальной идентичности.

В отличие от конкурентов из партии “Гнчак” (название которой переводится как “колокол”), политическая линия АРФ-Дашнакцутюн была достаточно зонтичной для того, чтобы привлечь средства со стороны армянской буржуазии, и при этом заявляла о себе как об организации достаточно пролетариато-ориентированной, чтобы привлечь новые членские взносы и новых бойцов из широких масс армянского населения. Так, в качестве “гимна” АРФ-Дашнакцутюн было выбрано произведение армянского композитора Григора Сюни (дедушки известного историка и, как ни странно, критика Дашнакцутюн Рональда Сюни) “Мшак-Банвор” (“Крестьянин и Рабочий”)[6]. В тексте гимна нет ни слова ни о геополитике, ни намёков на глорификацию истории Армении. Напротив, песнь посвящена страданиям пролетариата и пропагандирует возможное избавление от страданий благодаря Дашнакцутюн. “Мшак-Банвор” не была единственной песней в системе партийной культуры Дашнакцутюн, но не случайно была выбрана в качестве основной.

АРФ-Д обладала понятной для среднестатистического армянина тех времен имиджем. Ее название состояло исключительно из понятных

армянских слов, а короткое название – Дашнакцутюн (букв. “Содружество”) звучало куда более серьезнее, чем название “Гнчак” (“колокол”). К тому же, АРФ обладало более внушительным послужным списком насильственных акций. Ряд известных деятелей

АРФ, включая Андраника “Зоравара” Озаяна, изначально были в рядах гнчакистов. Что особенно важно, АРФ сумела создать и развить молодежное крыло, обусловив, тем самым, преемственность поколений и продолжительность организации вплоть до наших дней, эффекты которой можно проследить спустя десятилетия. Так, члены Дашнакцутюн, водрузившие знамя своей организации над крепостью оккупированного города Шуша в 1992 году, были идеологическими – а в некоторых случаях и генетическими – потомками членов АРФ, совершавших акции против азербайджанского населения за несколько десятилетий до начала Первой Карабахской войны.

Будучи политической силой, Дашнакцутюн – это не только организация, но и система подчинения. Продвижение культа беспрекословного подчинения младших по рангу старшим по рангу был неотъемлемой частью данного кусакцутюна. Так, например, план называемой в армянской историографии “Ханасорская экспедицией” (по сути являвшегося актом геноцида в отношении курдского племени, при котором, по крайней мере, по заявлению армянских источников, была истреблена мужская часть населения), был встречен протестом со стороны ряда командиров. Впоследствии, именно эти командирам была поставлена задача реализации плана [2]. Продвигая культ субординации, источники АРФ также сообщают о случае расстрела одного из членов организации со стороны его же племянника, в качестве возмездия за “нарушение армянских семейных традиций” [4]. Однако это – лишь примеры, которые призваны служить пропаганде единства в угоду элите данного кусакцутюн, далеко не всегда отражающие реальную суть вещей. Дело в том, что обеспечение субординации довольно сложно, когда члены более низкого ранга не получают ожидаемые лавры за свою деятельность. Согласно уставу организации, каждый из её членов должен работать, дабы избежать проникновения в партию люмпен-пролетариата. В то же время, в некоторых случаях, место на вершине организации была работой самой по себе, оплачиваемой за счет взносов и, в какой степени,

остатков казны Первой Армянской Республики. Примечательно, что некоторые из самых значимых лиц АРФ-Дашнакцутюн, среди которых Гарегин “Спарпет” Нжде, Андраник “Зоравар” Озаян [7] и организатор операции “Немезис” Шаан Натали, покидали ряды организации, не сумев добиться в высоких мест в иерархии АРФ-Д, несмотря на свой “послужной список”. Впоследствии они либо присоединялись к другим организациям, либо пытались организовать свои, некоторые из которых не дожили до наших дней, в том числе “благодаря” силовым методам АРФ по физическому устранению потенциальных конкурентов за ресурсы армянских общин, как это было с коллегами Шаана Натали [3]. И хотя Дашнакцутюн и избежал дальнейшей дезинтеграции, ему не удалось установить монополию на идеологию армянского национализма. Этому способствовал ряд факторов.

Существование строгой иерархии в системе Дашнакцутюн, призванного способствовать сохранению и расширению организации, парадоксально имело обратный эффект. Честолюбивые лидеры, в частности среди станциер (жителей Ай-астана-Армении), оперировавших категорийным аппаратом Дашнакцутюн и занимавшихся глорификацией ее членов, не были заинтересованы в признании АРФ-Дашнакцутюн с его тогдашним бюро в Афинах в качестве понтифика армянской националистической риторики, и присоединяться к ней, не имея четких карьерных перспектив. Среди них можно выделить Левона Тер-Петросяна, сделавшего головокружительную карьеру от научного сотрудника средней руки до главы Армении как члена ООН; Роберта Кочаряна, получившего диплом о высшем образовании в возрасте 27-28 лет, а уже к 40 годам ставшего лидером нелегальной организации НКР-Арцах, а впоследствии и лидером армянского государства; Сержа Саргсяна, являвшегося неприметным областным партийным руководителем, но впоследствии также ставшего главой Армении. Карьерные перспективы этих трех представителей армянской политики были бы туманными, если бы они вступили в систему АРФ-Д и ждали бы приказов о выдвижении в кандидаты из Бюро. “Идеологические различия” касательно политического спектра между основанными ими партиями или (политическими кругами, как в случае с Кочаряном) и АРФ-Д являются не более чем украшательством, призванными скрыть карьерные и честолюбивые стремления, удовлетворять

которые возможно было бы через стремление к соответствию шаблонам АРФ-Дашнакцутюн. Шаблон Дашнакцутюн состоит в том, что бы позиционировать армянскую идентичность как антитурецкую, а армянский национализм как антитурецкий, а в более широком смысле антизападногузский. Таким образом и был сформирован армянский национализм новейшего времени.

Теория “Двух турок”: Не будучи способным разрешить экономические и социальные проблемы государства, армянские политические круги взывали к армянскому национализму, основой которой была армянская идентичность новейшего времени, а объектами которого стали образы “двух турок”: “побежденный турок” в лице Азербайджанской Республики в периоде между двумя Карабахскими войнами и “турок, которого ещё предстоит победить” в лице Турецкой Республики. Армения как носитель армянского национализма, позиционировала себя в качестве региональной “мученицы”, пострадавшей от Турции, но сумевшая одолеть Азербайджанскую Республику по результатам Первой Карабахской войны и стремившейся одолеть сильную Турцию, о чем косвенно свидетельствуют слова бывшего президента Армении на встрече с представителями молодежи.

Категории образов. Образ “воина”, идущего за Турцией, оснащенной одной из первых десяти армий мира, был деструктурирован по результатам Второй Карабахской войны, когда выяснилось, что армянская армия не смогла противостоять армии из седьмого десятка в рейтинге – ВС Азербайджана. Армения, по сути, осталась в том же виде, в котором была и до Первой Карабахской войны – в образе мученика. Образ мученика стал точкой опоры и мобилизации Армении и армянских националистов в период Первой Карабахской войны, впоследствии ставшей крупнейшей, но далеко не первой, катастрофой для азербайджанского народа – одной из ключевых тем настоящей диссертации.

Политика, как и международные отношения, немислимы без образов. Христианская религия была доминирующей в пределах постримского мира (субъективно именуемым “Западным” или “западной цивилизацией”), и, вне зависимости от отношения к меняющемуся отношению к догматике христианской религии, его категориальный аппарат и образ мышления сохранялся.

Образы, шаблоны, основаны на категориальном аппарате религии, и сохраняются в виде остатков

после пересмотра взглядов на неё. Личность же является одной из категорий христианской религии.

Это объясняет ситуацию, при которой аргентинский марксистский революционер-марксист и атеист Эрнесто “Че” Гевара, внешние признаки которого были похожи на изображения Иисуса на иконах, стал объектом почитания у жителей многих стран, в основном постримского мира, исповедующих христианство [5]. Путаница образов, формирующаяся в подсознании, также может объяснить популярность боевика-террориста Монте Мелконяна, марксиста и атеиста, среди армянского общества, ибо он был похож на армянского композитора и священника Комитаса, пострадавшего в результате событий 1915 года. В обоих случаях оригинальные образы “мучеников” становились основой для почитания похожих на них внешне и по описываемым действиям или принадлежности. Здесь же прослеживается трансформация почитания образа-мученика в почитание похожего на него образ-воина. При этом образ мученика является первичным и пререквизитным для образа воина, действия которого, с точки зрения созерцателя образа, легитимны. Кейс трансформации образа мученика в образ воина можно проследить и в государстве, нации и/или народе. Обладая образом мученика получает мандат на образ воина. Получивший мандат на образ воина получает карт-бланш на нарушение международного права, как это произошло в случае с агрессией Армении против Азербайджана. При этом поддержка со стороны международного общества, коей Армения не заручилась ни во время Первой Карабахской войны, ни после, не является пререквизитом. Образ мученика, и его трансформация в образ воина, направлена, в первую очередь, на его носителей – текущих или потенциальных – в целях мобилизации их на деструктивные действия, с которыми международное сообщество – в лице институтов ООН – не обязано соглашаться, но с которыми оно де факто будет вынуждено смириться.

По поводу образа мученика может сложиться ошибочное мнение. Первое ошибочное мнение состоит в том, что образ мученика гарантированно выдается при нанесении урона. Например, если один актер подвергается насилию со стороны другого актера, то он автоматически получает сан мученичества. На деле же, урон наносимый актером-агрессором актеру-таргету может быть сопутствующим, но далеко не гарантирующим

предусловием мученичества, который, в свою очередь, может дать карт-бланш на трансформацию в образ воина. Армянская национальная идентичность тесно сплетена с образом мученика, что, в свою очередь дало ей карт-бланш на образ воина, объектом которой неоднократно становился азербайджанский народ.

Дабы укрепить концепцию трансформации образов, можно привести в пример Германию. Бомбардировка немецких городов, этническая чистка немецкого населения во время и после Второй Мировой Войны, не дало немецкому народу статус народа-мученика, что могло бы повлечь за собой претензии на статус народа-воина. Реализация данной трансформации была невозможна по той простой причине, что запроса на данный образ не было ни среди немецкого населения, проживавшего последствия тяжелой войны, ни у соседних с Германией стран, в той или иной степени пострадавших от действий Германии.

Отсутствующий запрос на статус народа-мученика у немецкого населения привел к дальнейшему переосмыслению нацистского прошлого и абстрагированию от него. Основной нарратив абстрагирования можно проследить в следующей формулировке: (почти) все нацисты – немцы, но (далеко) не все немцы – нацисты.

Совершенно противоположная ситуация имела место до Второй мировой войны. Потерпев поражение в Первой Мировой войне, население Германии, испытывающее многочисленные экономические и социальные проблемы, приняло образ народа-мученика вне зависимости от того, был ли подобный образ принят странами-победительницами Первой Мировой войны или нет. Принятие немецкого народа как народа-мученика носило эндогенный характер и не нуждалось в признании данного образа в качестве международно признанного статуса. Трансформация народа-мученика в народ-воина сопровождалась актами агрессии против соседних стран и международно признанным фактом политики геноцида, также названным Холокостом. Становление Германии в образе мученика после Первой мировой войны было гораздо более успешным, чем после Второй Мировой Войны, ввиду ослабления его эндогенного характера.

При этом образ мученика может формироваться не только на основе событий короткого периода истории. Он может быть основан и на несвязанных друг с другом событиях, касающихся, тем не менее, одного и того же объекта мучени-

чества – например, народа. Эндогенный образ мученика, пострадавшего от ряда несвязанных друг с другом исторических событий, был взят и во время геноцида в Камбодже. Левонационалистическое движение красных кхмеров эксплуатировало образ мученика, основанном на синтезе бомбардировки сельских местностей Камбоджи со стороны США и развала Кхмерской Империи в средние века, в качестве орудия антагонизации, направленного как против местных меньшинств, так и против соседних народов. Результатом данной политики стали агрессивные войны, направленные против соседнего Вьетнама, а также геноцидальная политика в отношении нехмерского населения Камбоджи – помимо всего прочего. Идеология красных кхмеров имела схожие черты с идеологией армянских националистов [1].

Подобная тенденция прослеживается и в армянском национализме, движимым фактором которого становится образ мученика, вобравший в себе страдания различных периодов истории, несвязанных или необязательно связанных между собой. Результат – этническая чистка неармянского населения Армении, агрессивная война против соседнего государства.

Заключение

В данной статье было предложено краткое описание истоков зарождения армянского национализма, основанного на армянской национальной идентичности, уделено внимание и институтам армянского национализма – кусакцутюнам и их исторической и институциональной связью с Арммянской Апостольской Церковью. В статье уделено внимание важности категорий образов мучеников и воинов в международных отношениях. Была введена политическая парадигма “Двух турок”, доминировавшей в армянской политической мысли в периоде между двумя Карабахскими войнами. Практическая значимость данной статьи заключается в том, что было предложено институциональный взгляд на армянский национализм и приведен компаративистский анализ с аналогичными идеологиями в других странах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- [1] Алекперов. Х. *Исторические аналогии Геноцида Азербайджанского народа. Tarix və onun problemləri. 2025 No 2. стр. 161*
- [2] Оганесян. Э. *Век Борьбы. Том 1. Мюнхен. стр. 92. Издательство Феникс.*

Мюнхен-Москва. 1991.

[3] Shahn Natalie Shahan Natalie. *Turks and Us. SHAHAN NATALIE: CONCISE BIOGRAPHY*. page xviii/ Punik (2003).

[4] *Who Is an ARF Member?* Armenia.Media со ссылкой на Asbarez. Глава 3 из английского перевода книги Грача Даснабедяна "Who is the Tashnagsagan?" издательства "ARF Rosdom Gomideh". Encino, California. 2016"

[5] 'Christ-like' Che Guevara 'wanted to die a martyr'. France 24.

<https://www.france24.com/en/20171004-christ-like-che-guevara-wanted-die-martyr>

[5] *Death of Grikor Suni (December 18, 1940)*. Armenian Prelacy. https://armenianprelacy.org/2020/12/17/death-of-grikor-suni-december-18-1940/?srsltid=A_fmBOoow2iwgLwbPADF-Gm2_g4sFnHkUg9vLb6v2mVnxm8Ge--UPRASK

Erməni millətçiliyinin mənbələri və xüsusiyyətləri haqqında qısa məzmun

Xalid Emin oğlu Ələkbərov
Bakı Dövlət Universitetinin doktorantı

XÜLASƏ

Erməni millətçiliyinin Azərbaycan xalqına qarşı cinayətlərinin tarixi kontekstində erməni millətçiliyinin özünün də araşdırılması məqsədəuyğundur. Bu məqalənin məqsədi erməni millətçiliyinin şəxsiyyətlərini araşdırmaqdan daha çox, ideologiyasının özünü, mənşəyini və Ermənistan cəmiyyətindəki, eləcə də Ermənistan Respublikasının xarici siyasətindəki rolunu araşdırmaqdır. Məqalənin müəllifi belə bir nəticəyə gəlir ki, erməni millətçiliyi əsasən erməni millətçi təşkilatlarının - kusaktsutyunların fəaliyyəti ilə müəyyən edilir. Bundan əlavə, müəllif kusaktsutyunların özlərinin dolayı yolla kilsə mənşəli olmadıqları, həm də sonradan erməniləri birləşdirən bir qurum kimi kilsəyə alternativ olduqları qənaətinə gəlir. Məqalədə Qərbi Oğuz türklərinə qarşı düşmənçilik erməni millətçiliyinin fundamental elementi kimi vurğulanır. Eyni zamanda, erməni millətçi hərəkatını parçalayan şəxsi amil də nəzərdə tutulur. Məqalədə həmçinin əzabkeş və döyüşçü obrazlarının kateqoriyalarını və onların erməni millətçiliyi ilə əlaqələrini araşdırmaq təklif olunur.

Açar sözlər: erməni millətçiliyi, kusaktsutyun, türkofofiya, oğuzofobiya, Azərbaycan, Ermənistan, Türkiyə.

The roots and peculiarities of the Armenian nationalist ideology: overview

Khalid Emin Alakbarov
Doctoral student, Baku State University

SUMMARY

Within the framework of the Armenian nationalist atrocities directed against the Azerbaijani people, diving deep into the annals of Armenian nationalism per se seems academically relevant. The paper seeks not so much to examine the personalities of Armenian nationalism as to examine the ideology itself, its roots, and its role in Armenian society, as well as in the foreign policy of the Republic of Armenia. The author concludes that the relevance of Armenian nationalism was largely determined by the activities of Armenian nationalist organizations—the kusaktsutyuns. Furthermore, the author concludes that the kusaktsutyuns themselves not only indirectly had ecclesiastical origins but subsequently became an alternative to the church as an institution uniting Armenians. The paper emphasizes antagonism directed toward Western Oghuz Turks as a fundamental element of Armenian nationalism. At the same time, the personal factor issue, which fragmented the Armenian nationalist movement, is not ignored. The paper also proposes to examine the categories of martyr and warrior images and their connections to Armenian nationalism.

Rəyçi: Siyasi elmlər doktoru Fərhad Hüseynov

Məqalə redaksiyaya daxil olub: 01.04.2026

Çapa qəbul olunub: 26.04.2026

The date of the admission of the article

to the editorial office: 01.04.2026

Accepted for publication: 26.04.2026